

РОЗАМУНД ЛАПТОН

Международный бестселлер —
продано более **1 500 000**
экземпляров!

Разгадай мою СМЕРТЬ

Розамунд Лаптон

Разгадай мою смерть

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888472
Разгадай мою смерть : [роман] / Розамунд Лаптон: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083248-4

Аннотация

Ничто не может разорвать связь между сестрами...
Беатрис Хемминг, тяжело переживающая смерть младшей сестры Тесс, не верит, что та совершила самоубийство.
Беатрис убеждена — Тесс убили.
Но кто убийца?
Женатый любовник, от которого забеременела ее сестра?
Однокурсник, докучавший ей чрезмерным вниманием?
Или таинственный человек в маске, которого все вокруг считали лишь порождением неумного воображения Тесс?
Полиция отказывается проверять подозрения Беатрис.
И тогда она решает разгадать тайну гибели сестры самостоятельно — чего бы это ни стоило...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Розамунд Лаптон

Разгадай мою смерть

Rosamund Lupton
SISTER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

© Rosamund Lupton, 2010
© Школа перевода В. Баканова, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

*Посвящается моим родителям,
Киту и Джейн Орд-Полетт,
за их неизменный дар вдохновлять*

А также моему мужу Мартину, с любовью

*Где еще видели вы такую преданную дочь, нежную сестру,
такого верного друга?¹
Джейн Остен. «Эмма»*

*Цветы погибли, встретившись с зимой,
А сущность их сохранена живой?²
Уильям Шекспир. Сонет V*

---

¹ Пер. М. Канн.

² Пер. А. Кузнецова.

Глава 1

Воскресенье, вечер

Милая моя Тесс!

Я отдала бы все на свете, лишь бы оказаться рядом с тобой прямо сейчас, в эту минуту, лишь бы держать тебя за руку, смотреть в глаза, слышать твой голос. Разве можно сравнивать чувственные ощущения — работу зрительных нервов и осязательных рецепторов, вибрацию звуковых волн в ухе — с перепиской? Но мы привыкли общаться на бумаге, верно? Еще с того времени, когда меня отправили в частную школу и нам пришлось заменить игры, смех и доверительный шепот письмами друг к другу. Не помню, о чем писала тебе в первом письме; помню только, что сделала из него пазл, дабы оно не попало на глаза старшей воспитательнице. (Кстати, я угадала правильно: детская любовь к складыванию картинок давно умерла в ее сердце.) Зато я слово в слово помню ответ семилетней сестренки на мою тоску, разрезанную зигзагами. Невидимые чернила из лимонного сока, которыми ты воспользовалась, проступили на бумаге только при свете фонарика. С тех пор доброта навсегда связана для меня с запахом лимона.

Журналистам понравилась бы эта история. Нас изобразили бы маленькими заговорщицами, подчеркнув, как близки мы были с самого детства. Сейчас они стоят перед твоим домом — съемочные группы с камерами, звукооператоры, осветители. Потные лица, испачканные куртки, черные змейки проводов струятся по лестнице и путаются в ограде. Понимаю, все это пустяки, но можно ли иначе описать происходящее? Не знаю точно, как ты отнесешься к тому, что в некотором роде стала знаменитостью, — пожалуй, найдешь этот факт забавным. Забавным и нелепым. Лично я оцениваю его исключительно как нелепый, но ведь мое чувство юмора всегда отличалось от твоего, правда?

— Тебя выгнали с урока, это не шутки! — негодую я. — В следующий раз вообще исключат из школы, а маме и без того хватает забот!

Учительница застучала тебя, когда ты тайком пронесла в школу любимого кролика. Я играю роль образцовой старшей сестры.

— Пчелка Би, ну разве это не забавно? — отвечаешь ты, кусая губы, чтобы не рассмеяться. Ты словно бутылка газировки, из которой на поверхность рвутся пузырьки искристых смешинок.

Воспоминание о твоем смехе придает мне мужества, и я подхожу к окну. Узнаю журналиста одного из спутниковых новостных каналов. Я привыкла видеть его лицо в плоском изображении на экране плазменного телевизора у себя дома в Нью-Йорке, а сейчас он стоит живьем, в трехмерном объеме, на Чепстоу-роуд и смотрит прямо на меня через окно первого этажа. Я испытываю непроизвольное желание выключить телевизор; вместо этого задергиваю шторы.

Однако теперь, когда репортеров не видно, мне только хуже. Их осветительные лампы прожигают ткань штор, голоса и шум назойливо ломятся в окна и стены. Чужое присутствие давит тяжестью, бульдозером пробивает дорогу в твою гостиную. Неудивительно, что прессу так называют: если ситуация затянется, я просто задохнусь под этим прессом. Ладно, согласна: я чересчур драматизирую. Вот ты наверняка вышла бы на улицу и предложила им кофе. А я — сама знаешь — легко раздражаюсь и болезненно чувствительна в отношении личного пространства. Пойду-ка лучше на кухню и постараюсь взять себя в руки.

Здесь как-то спокойнее, тишина дает возможность подумать. Странно, что теперь я нахожу удивительными самые пустячные мелочи. К примеру, во вчерашней газете напеча-

тали статью о наших с тобой тесных сестринских узах, но при этом даже не упомянули о разнице в возрасте. Может быть, раз мы уже взрослые, она не имеет значения, хотя в детстве казалась просто огромной. «Пять лет — это много?..» — с легким вопросительным оттенком говорили те, кто нас не знал. А мы обе сразу вспоминали Лео и брешь, которая осталась после его смерти. Наверное, точнее было бы назвать нашу боль чувством утраты, только мы никогда не произносили этого вслух, да?

Снаружи, за задней дверью, журналистка разговаривает по мобильному телефону. Скорее всего диктует репортаж. Внезапно я слышу собственное имя: Арабелла Беатрис Хемминг. Мама как-то сказала, что меня сроду не называли Арабеллой. Получается, уже с младенчества было ясно, что я не имею ничего общего с этим именем. Безупречно выписанное черной тушью, украшенное вензелями, оно предназначено для милой девчушки, которую ласково зовут Беллой, Беллз или Белль — да мало ли красивых вариаций. Я же с первых дней была только Беатрис, простой и строгой, в формате стандартного шрифта «Таймс нью роман», без всяких там украшений и спрятанных внутри прелестных образов. Отец выбрал имя Арабелла еще до моего рождения. Должно быть, реальность его разочаровала.

Я снова слышу голос журналистки. Кажется, она опять звонит кому-то, оправдывается, что задержалась на работе допоздна. Через несколько секунд до меня доходит: это из-за меня, Арабеллы Беатрис Хемминг. Мой порыв — выйти и извиниться. Да, я такая: всегда первая спешила на кухню, едва мама начинала сердито греметь кастрюлями. Журналистка немного удаляется от двери. Слов не разобрать, слышны только интонации — успокаивающие, чуть виноватые; деликатные, но твердые. Внезапно голос меняется: видимо, она разговаривает со своим ребенком. Ее теплый тон проникает сквозь дверь и окна, согревая твою квартиру.

Возможно, мне следует проявить заботу и посоветовать ей отправляться домой. Твое дело еще находится в производстве, я не имею права давать комментарии до суда. Однако женщина за дверью, как и все прочие, хорошо об этом осведомлена. Репортеры пытаются выудить из меня не факты, а эмоции. Они хотят увидеть мои стиснутые кулаки и дать крупный план побелевших костяшек, хотят заснять слезы, ползущие по моим щекам, словно улитки, за которыми тянутся черные следы потекшей туши. Поэтому я не выхожу.

Телевизионщики со своей технической свитой наконец убрались, оставив за собой заметную «полосу прилива» — кучки сигаретного пепла на ступеньках, окурки в твоих горшках с нарциссами. Завтра вычищу пепельницы. По правде сказать, я напрасно плохо подумала обо всех сразу. Трое извинились за причиненные неудобства, а оператор даже принес мне из лавки на углу букет хризантем. Знаю, ты никогда не любила хризантемы.

— Они даже весной ужасного цвета — темно-синие, как школьная форма, или бордовые, как осенние листья, — с улыбкой говоришь ты, поддразнивая меня за любовь к этому аккуратному, долго не вянущему цветку.

*— Они бывают самых разных оттенков, и очень даже ярких, — серьезно отвечаю я.
— Кричащая безвкусица. Как раз для серых бетонных площадок перед гаражами.*

Однако эти чахлае экземпляры — проростки нечаянной заботливости, букетик сочувствия, неожиданного, как коровьи лепешки на обочине скоростного шоссе.

Оператор, преподнесший мне хризантемы, сказал, что сегодня в вечернем выпуске новостей будет специальный репортаж о тебе. Я сразу набрала маму, сообщила ей. Думаю, по-своему, по-матерински, она гордится тем, сколько внимания ты получаешь. А его будет еще больше. Если верить звукооператору, завтра сюда нагрянут иностранные репортеры. Забавно — нет, скорее странно, — что всего несколько месяцев назад, когда я пыталась достучаться до людей, меня совсем не хотели слушать.

Понедельник, после полудня

Сейчас они все — пресса, полиция, юристы — жадно слушают: головы склонены, ручки усердно царапают в блокнотах, слышится жужжание диктофонов. Сегодня я даю свидетельские показания в уголовном суде. Это подготовка к судебным слушаниям, которые состоятся через четыре месяца. Мне сказали, что мои показания «жизненно важны» для стороны обвинения, так как я — единственная, кому «известно все, от и до».

Мистер Райт, представитель стороны обвинения, который берет показания, сидит напротив. Полагаю, ему где-то к сорока, хотя, вероятно, он младше и просто по долгу службы выслушал немало историй вроде моей. Мистер Райт весь внимание — он сидит, слегка подавшись вперед, располагая меня к откровенности. Хороший слушатель, но... что за человек?

— Если вы не против, — говорит он, — расскажите все с самого начала, а я потом сам отделию важное от второстепенного.

Я киваю.

— Дело в том... я не совсем уверена, что именно считать началом.

— Скажем, тот момент, когда вам впервые показалось, что что-то не так.

На мистере Райте отличная итальянская рубашка из натурального льна и синтетический галстук с дурацким рисунком — вряд ли обе вещи выбраны одним и тем же человеком. Или то, или другое получено в качестве подарка. Если подарен галстук, то мистер Райт проявляет недюжинную любезность, надевая его. Забыла, говорила тебе или нет, но у меня появилась новая привычка размышлять на посторонние темы, когда мозг отказывается анализировать насущный вопрос. Я поднимаю глаза на мистера Райта.

— Тогда выходит, это был телефонный звонок. Мама сообщила, что Тесс пропала без вести.

Когда позвонила мама, мы принимали гостей. Закуски для воскресного ленча, купленные в магазине по соседству, полностью соответствовали духу Нью-Йорка: модные и стандартные. То же самое относилось к нашей мебели, квартире и взаимоотношениям — ничего домашнего. «Большое яблоко» без сердцевины. Понимаю, отступление от темы довольно резкое; впрочем, разговор о моей жизни в Нью-Йорке подождет.

Тем утром мы вернулись из заснеженного Мэна, где провели романтические каникулы в честь моего повышения — меня назначили директором по работе с клиентами. Тодд получил явное удовольствие, расписывая гостям наше опрометчивое решение отметить праздник в уединенной избушке:

— Конечно, на джакузи мы не рассчитывали, но горячая вода в душе пришлось бы кстати, да и стационарный телефон не помешал бы. Мы даже мобильниками не могли воспользоваться, у нашего оператора там нет мачт.

— Вы что же, вот так взяли и сорвались в эту поездку? — недоверчиво спросила Сара.

Как тебе известно, мы с Тоддом никогда не отличались любовью к экспромтам. Марк, муж Сары, едва не испепелил ее глазами:

— Дорогая!

Сара выдержала его взгляд.

— Терпеть не могу это твое «дорогая». Кодовое слово, означающее «заткнись», не так ли?

Ты поладила бы с Сарой. Она всегда чем-то напоминала тебя — может, поэтому мы с ней и подружились. Сара посмотрела на Тодда.

— Когда вы с Беатрис в последний раз ссорились? — поинтересовалась она.

— Мы не слишком любим устраивать спектакли, — ответил Тодд, лицемерно пытаюсь поставить Сару на место.

Однако та не собиралась сдаваться:

— Значит, тебе тоже слова поперек не скажи.

Последовало неловкое молчание. Из вежливости мне пришлось прервать его:

— Кто-нибудь желает кофе или травяного чая?

Я засыпала в кофемолку кофейные зерна — только к этому «блюду» я в тот день и приложила руку. В кухню вошла расстроенная Сара.

— Беатрис, извини, что так вышло.

— Ничего страшного. — Я играла роль безупречной хозяйки, улыбчивой, все понимающей, занятой приготовлением кофе. — Марк предпочитает с молоком или без?

— С молоком. Мы уже забыли, когда в последний раз смеялись вместе, — вздохнула Сара, усевшись на кухонный стол и болтая ногами. — А что до секса...

Я включила кофемолку, надеясь, что жужжание заглушит слова подруги. Перекрикивая шум, она спросила:

— А вы с Тоддом?

Я переложила смолотый кофе в нашу семисотдолларовую кофеварку-эспрессо.

— Спасибо, у нас все в порядке.

— По-прежнему обмениваетесь шутками и кувыркатесь в постели?

Я открыла шкатулку с кофейными ложечками тридцатых годов, отделанными цветной эмалью. Цвет эмали у каждой ложечки был свой и напоминал расплавленные леденцы.

— Мы купили их на ярмарке антиквариата в прошлое воскресенье, с утра.

— Беатрис, ты уходишь от темы!

Тебе-то не надо объяснять, что я вовсе не уходила от темы: воскресным утром, когда другие парочки не спешат покинуть кровать и занимаются любовью, мы с Тоддом бродили по распродаже. Мы всегда лучше понимали друг друга перед витриной магазина, чем в постели. Я считала, что, обставляя квартиру вещами, выбранными и купленными вместе, мы создаем общее будущее. Ты, конечно, поддразнила бы меня: хороший секс не заменишь чайником, пусть даже от Клэрис Клифф, — но лично мне это казалось более надежным залогом постоянства.

Раздался телефонный звонок. Не обращая внимания, Сара продолжила:

— Секс и смех — вот сердце и душа взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

— Пойду сниму трубку.

— Когда, по-твоему, наступает момент отключить аппарат жизнеобеспечения?

— Извини, нужно подойти к телефону.

— Когда пора разделить банковский счет, ипотечный кредит и общих друзей?

Я схватила трубку, радуясь возможности оборвать разговор.

— Алло?

— Беатрис, это я, мама.

От тебя не было вестей уже четверо суток.

Не помню, как собиралась, но Тодд вошел именно в ту секунду, когда я защелкнула замки на чемодане. Я обернулась:

— Какой рейс?

— На сегодня билетов нет.

— Я все равно должна лететь.

Ты не появлялась на работе уже неделю. Хозяйка кафе звонила на твой домашний телефон, но всякий раз срабатывал автоответчик. Она приезжала к тебе на квартиру, однако не нашла тебя и там. Никто не знал, где ты. Теперь за поиски взялась полиция.

— Отвезешь меня в аэропорт? Я полечу любым рейсом.

— Лучше вызову такси, — отозвался Тодд. Ах да, он пропустил пару бокалов вина. Я всегда ценила его благоразумие.

Разумеется, ничего этого мистеру Райту я не рассказываю. Просто сообщаю, что мама позвонила мне днем 26 января, в половине четвертого по нью-йоркскому времени, и сказала, что ты пропала без вести. Как и тебя, мистера Райта интересует картина в целом, а не отдельные детали. Еще в детстве ты рисовала большие, размашистые рисунки, которые не умещались на странице, в то время как я при помощи карандаша, линейки и ластика строила аккуратные чертежи. Позже ты начала писать абстрактные полотна, отображая действительность крупными мазками и яркими красками, а мне идеально подошла работа дизайнера, позволяющая сверять любой оттенок с патентованной цветовой моделью. Поскольку у меня нет твоей размашистой смелости, я изложу тебе эту историю в пуантилистской манере, где каждая точка будет соответствовать той или иной подробности. Надеюсь, в итоге из точек сложится картина, и мы сумеем понять, что и как произошло.

— То есть до звонка матери у вас не было дурных предчувствий? — задает вопрос мистер Райт.

Я испытываю знакомую тошнотворную волну: меня захлестывает чувство вины.

— Н-нет, ничего такого.

Я взяла билет первого класса — других не оказалось. Пока мы летели сквозь зыбкую страну облаков, я представляла, как выскажу тебе все, что думаю о твоём легкомыслии, и возьму с тебя обещание впредь не выкидывать подобных фокусов. Совсем скоро ты станешь матерью, так что, будь добра, веди уже себя по-взрослому.

«*“Старшая сестра” — это не должность, пчелка Би*».

За что я бранила тебя в тот раз? Поводов было множество, ведь я на самом деле считала, что быть старшей сестрой — это работа, для которой я гожусь как нельзя лучше. И теперь, когда я летела на поиски и знала, что найду тебя (присмотр за тобой — важная часть моих служебных обязанностей), меня успокаивала привычная роль степенной, разумной старшей сестры, отчитывающей ветреную, безответственную девчонку, которой давно пора взяться за ум.

Показались огни аэропорта Хитроу, самолет начал снижаться. Под нами распростерлась западная часть Лондона, слегка присыпанная снегом. На табло загорелась команда пристегнуть ремни, и я заключила уговор с Богом: если найду тебя живой и здоровой, сделаю что угодно. Я продала бы душу самому дьяволу, предложи он мне сделку.

Когда самолет неуклюже приземлился на бетонную посадочную полосу, мою воображаемую досаду сменила мучительная тревога. Бог стал героем детской сказки. Все могущество старшей сестры улетучилось. Я с ужасающей ясностью вспомнила смерть Лео, и от этого воспоминания меня затошнило, будто от куска тухлятины. Я поняла, что не переживу, если потеряю еще и тебя.

Для офисного помещения окно кажется просто огромным. Через него в комнату потоком льется яркий свет весеннего солнца.

— Вы провели некую связь между исчезновением Тесс и смертью Лео? — спрашивает мистер Райт.

— Нет.

— Вы сказали, что подумали про Лео.

— Я постоянно думаю о нем, Лео — мой брат. — Как же мне тяжело говорить об этом. — Лео умер от муковисцидоза, когда ему было восемь. Нас с сестрой болезнь не коснулась, мы родились совершенно здоровыми.

Мистер Райт хочет погасить слепящий свет люминесцентных ламп, но выключатель почему-то не работает. Мистер Райт виновато пожимает плечами и опять садится за стол.

— Что произошло дальше?

— Мама встретила меня в аэропорту, и мы поехали в полицию.

— Пожалуйста, расскажите поподробней.

Мама, одетая в пальто из верблюжьей шерсти «Джегер», ждала меня в зале прилета. Подойдя ближе, я заметила, что она не причесана, а макияж наложен кое-как. Ты права, я не видела ее такой со дня похорон Лео.

— Я гнала такси от самого Литтл-Хадстона. Твой рейс задержался!

— Всего на десять минут, мамочка.

Вокруг бурно обнимались родные, близкие и друзья, воссоединившиеся после разлуки, а мы с мамой не ощущали ничего, кроме почти физического дискомфорта. По-моему, мы даже не поцеловались.

— А что, если Тесс звонила в мое отсутствие? — беспокойно произнесла она.

— Значит, позвонит еще, — отозвалась я.

После посадки, однако, я уже тысячу раз успела проверить мобильник.

— Сама не понимаю, — продолжала мама, — с какой стати я жду от нее звонка. Она вообще перестала мне звонить. По всей видимости, для нее это слишком большой труд. — В голосе задрезжали нотки обиды. — Я уж молчу про то, когда она в последний раз ко мне приезжала!

Вероятно, до сделок с Богом мама еще не дошла.

Я взяла напрокат машину. Несмотря на ранний час — шесть утра, — трасса М4, ведущая в Лондон, была загружена. «Час пик» — дурацкое название для скопища автомобилей, в которых сидят агрессивные, излучающие бессильную злость люди. Из-за выпавшего снега бесконечная цепочка авто тянулась еще медленнее. Мы ехали в полицейский участок. Печка в салоне никак не включалась, и слова вылетали из наших уст облачками ледяного пара.

— Ты уже разговаривала со следователем? — спросила я.

Мамино раздражение ощутимо повисло в воздухе.

— Разговаривала, да что толку? Что я вообще знаю о жизни собственной дочери?

— Кто сообщил в полицию о том, что Тесс пропала?

— Домовладелец. Эмиас... забыла фамилию, — недовольно ответила мама.

Я тоже не помнила фамилию этого человека. Меня вдруг поразило, что именно он, пожилой хозяин квартиры, которую ты снимала, позвонил в полицию.

— Он еще сказал полицейским, что ее донимали телефонные хулиганы, — прибавила мама.

Несмотря на холод в салоне, я покрылась липким потом.

— Что за телефонные хулиганы?

— Мне не объяснили.

Я посмотрела на маму. Из-под маски тонального крема и пудры резко выступало бледное, встревоженное лицо. Немолодая гейша, матово заштукатуренная косметикой «Клиник».

В половине восьмого, когда мы подъехали к полицейскому участку Ноттинг-Хилл, было еще по-зимнему темно. Дороги были запружены, а свежеччищенные тротуары почти пусты.

В полицейском участке мне довелось побывать лишь однажды, когда я подавала заявление об утере мобильного телефона — просто об утере, а не краже. Дальше вестибюля я не заходила. На этот раз меня проводили в недобрый мир допросных и тюремных камер, где полицейские носили ремни с пристегнутыми к ним дубинками и наручниками. Этот мир не имел ничего общего с тобой.

— Вас принял детектив Финборо, сержант уголовной полиции? — уточняет мистер Райт.

— Да.

— Каким он вам показался?

Я тщательно подбираю слова:

— Вдумчивым. Проницательным. Порядочным.

Брови мистера Райта ползут вверх, но он быстро прячет удивление.

— Можете припомнить вашу первую беседу?

— Да.

Поначалу твое исчезновение ошеломило меня, однако затем восприятие странно обострилось. Вокруг стало чересчур много мелких деталей, чересчур много цветов, как будто мир превратился в пиксаровский мультик. Другие органы чувств тоже пришли в боевую готовность: я слышала тиканье стрелки в часах, скрип ножки стула по линолеуму; улавливала запах табака от куртки, висевшей на крючке. Это был «белый шум», включенный на полную катушку, словно мой разум не мог отличить важное от неважного и фиксировал все подряд.

Женщина-полицейский предложила маме чай и увела ее. Я осталась наедине с сержантом Финборо. Он держался вежливо, даже чуть-чуть старомодно и походил скорее на университетского преподавателя, чем на детектива. За окном валил мокрый снег.

— Как вы думаете, с чем может быть связано исчезновение вашей сестры? У вас есть предположения? — спросил сержант Финборо.

— Абсолютно никаких.

— Она поделилась бы с вами своими проблемами?

— Безусловно.

— Вы живете в Америке?

— Мы постоянно перезваниваемся и держим связь по электронной почте.

— Значит, вы с сестрой близки?

— Да.

Конечно, близки. Мы с тобой разные люди, но очень близкие. Разница в возрасте никогда не играла для нас роли.

— Когда вы в последний раз общались с сестрой?

— Если не ошибаюсь, в прошлый понедельник. В среду мы с другом уехали в горы, всего на несколько дней. Я звонила Тесс из ресторана, но ее домашний телефон все время был занят — она может болтать с друзьями часы напролет.

Я постаралась разозлиться — в конце концов, кто, как не я, оплачивает твои телефонные счета? Попыталась разбудить в душе досаду — старое, знакомое чувство.

— А на мобильный не звонили?

— У нее нет мобильного. Украли месяца два назад, или сама потеряла. Тесс — довольно безалаберная девушка. — Еще одна попытка рассердиться на тебя.

Сержант Финборо на несколько секунд умолк — видимо, подбирал фразы, — затем осторожно произнес:

— То есть вы думаете, что ваша сестра исчезла не по своей воле?

«Не по своей воле». Деликатное выражение, обозначающее что-то очень-очень плохое. В том первом разговоре ни я, ни детектив не произнесли слова «похищение» или «убийство». Между нами как будто установилось молчаливое соглашение. Я оценила тактичность этого человека: слишком рано предполагать худшее. Я заставила себя задать вопрос:

— Мама сказала, что в последнее время Тесс донимали телефонные хулиганы. Это правда?

— Так утверждает домовладелец. К сожалению, подробности ему не известны. А вам сестра что-нибудь говорила?

— Нет.

— Может быть, упоминала о каких-то угрозах?

— Нет, ничего такого. Тесс вела себя совершенно нормально, была счастлива.

У меня возник новый вопрос.

— Вы обзвонили все больницы? — Мои слова прозвучали грубо; в них слышалась скрытая критика. — Я просто имею в виду, что роды у Тесс могли начаться раньше времени.

Сержант Финборо резко опустил стаканчик с кофе на стол, и от этого звука я едва не подскочила на месте.

— Мы не знали, что она беременна.

Передо мной вдруг вспыхнул спасительный маяк.

— Если схватки начались преждевременно, она может быть в больнице. Вы же не проверяли родильные отделения?

— Больницы дают нам сведения обо всех поступивших пациентах, включая рожениц. Маяк погас.

— Когда должен родиться ребенок? — спросил детектив.

— Примерно через три недели.

— Вам известно, кто отец?

— Эмилио Коди, преподаватель колледжа искусств, где учится Тесс, — ни секунды не раздумывая, ответила я. Время замалчивать правду прошло.

Сержант Финборо ничем не выказал своего удивления — вероятно, за счет профессиональной подготовки.

— Я был в колледже... — начал он, но я не дала ему договорить. Запах кофе в пенопластовом стаканчике вдруг стал тошнотворно-сильным.

— Вас так серьезно беспокоило исчезновение моей сестры?

— Я всегда стараюсь добираться до сути вещей.

— Да, разумеется.

Мне хотелось произвести на детектива впечатление умной и здравомыслящей женщины. Помню, тогда я еще себя одернула: не все ли равно, что подумает обо мне сержант Финборо? Как выяснилось позднее — зря. Это имело немаловажное значение.

— Я беседовал с мистером Коди, — произнес детектив. — Он говорил о Тесс исключительно как о своей бывшей студентке.

Прости. Эмилио не хотел признавать тебя, даже когда ты пропала без вести. Впрочем, он всегда проявлял подобное «благоразумие», всегда отрекся от тебя, если не сказать хуже.

— Вы знаете, почему мистер Коди не хотел, чтобы полиции стало известно о его связи с вашей сестрой?

Еще бы мне не знать!

— По правилам колледжа преподавателям запрещено вступать в интимные отношения со студентами. Кроме того, он женат. Заставил Тесс взять академический отпуск, когда ее живот стал заметен.

Сержант Финборо встал из-за стола. В его манере появилось что-то иное; он уже не напоминал университетского профессора.

— Иногда для помощи в розыске пропавших людей мы используем новостную передачу на одном из местных каналов. Я хотел бы восстановить последние факты, известные о вашей сестре, и сделать по ним сюжет.

Из-за окна, забранного металлической решеткой, донеслась птичья трель. Внезапно у меня в голове зазвучал твой голос — так отчетливо, как если бы ты находилась в комнате рядом со мной...

— В отдельных крупных городах птицы уже не слышат друг друга из-за шума и постепенно забывают сложность и красоту своих песен.

— Ну и при чем здесь мы с Тоддом?

— Некоторые птицы вообще перестали петь. Вместо этого они в точности имитируют автомобильную сигнализацию.

— Тесс! — досадливо поморщилась я.

— Тодд слышит твою песню?

Тогда я восприняла глубину твоих юношеских эмоций как нечто несерьезное, пройденное много лет назад, однако теперь, сидя в полицейском участке, вдруг вспомнила наш разговор, потому что мысли о птицах, их песнях, о Тодде и обо всем прочем позволяли отвлечься от догадок, терзавших меня в настоящий момент. Сержант Финборо почувствовал мое состояние.

— Думаю, лучше перестраховаться и еще раз проверить больницы. Тем более раз нам стало известно, что ваша сестра находится на позднем сроке беременности.

Детектив отдал указания подчиненным, распорядился насчет съемочной группы. Возник вопрос, кому играть тебя. Мне не хотелось, чтобы твою роль исполняла чужая женщина, поэтому в качестве актрисы я предложила себя. Выходя из кабинета, сержант Финборо обернулся ко мне:

— Мистер Коди намного старше Тесс, верно?

Между вами разница в целых пятнадцать лет, к тому же Эмилио — еще и твой преподаватель. Ему бы воплощать образ отца, а не любовника. Да-да, я постоянно говорила тебе об этом, пока ты наконец весьма красноречиво не попросила меня «отвалить». Правда, ты использовала английский эквивалент этого выражения и сказала, чтобы я не вмешивалась не в свое дело. Сержант Финборо терпеливо дожидался ответа.

— Вы, кажется, спрашивали о том, близки ли мы с сестрой, а не о том, понимаю ли я ее. Теперь-то понимаю, но тогда — вряд ли...

Сержант Финборо рассказал о предстоящей «реконструкции» подробнее:

— Сотрудница почтового отделения на Экзибишн-роуд припомнила, что около двух часов дня Тесс покупала у нее открытку и марки. Она не упомянула о том, что Тесс беременна, — наверное, просто не заметила, так как их разделял высокий прилавок.

Навстречу по коридору шла мама. Детектив продолжал:

— Приблизительно в два пятнадцать ваша сестра отправила открытку в этом же отделении.

...Голос мамы звенит от раздражения:

— Открытка была адресована мне! Тесс, видите ли, поздравляла меня с днем рождения. Не бывает у матери месяцами, почти не звонит, но зато шлет открытки, как будто этим можно все исправить!

Пару недель назад я черкнула тебе, что у мамы скоро день рождения, помнишь?

Рассказывая эту историю, я хочу быть до конца честной и откровенной, и поэтому, прежде чем продолжить, признаюсь: ты оказалась права насчет Тодда. Он не слышал моей песни, потому что я никогда не пела для него. И вообще для кого бы то ни было. Может быть, я одна из тех птиц, что способны воспроизводить лишь звуки автомобильной сигнализации.

Мистер Райт опускает жалюзи, защищаясь от яркого весеннего солнца.

— И в тот же день вы участвовали в съемках реконструктивного сюжета? — спрашивает он.

— Да.

У мистера Райта есть запись этой съемки, так что ему не нужен пересказ моей необычной игры с переодеванием, но тебе, я знаю, будет любопытно. Тебе ведь интересно, какая Тесс из меня получилась. Можешь поверить, вышло неплохо. Сейчас ты узнаешь, как все было, без кинематографичной гладкости, обычно присущей описаниям.

Женщина-полицейский средних лет, констебль Вернон, привела меня в комнату, где мне следовало переодеться. Румяная, пышущая здоровьем, она как будто явилась с молочной фермы, а не с дежурства на лондонских улицах. Мое лицо, напротив, было жутко бледным — сказывался ночной перелет.

— Думаете, это что-нибудь даст? — спросила я.

Констебль Вернон улыбнулась и порывисто обняла меня. Я слегка смутилась — жест был неожиданный, но приятный.

— И не сомневайтесь! С этими реконструкциями масса хлопот; вряд ли мы стали бы возиться, если бы в результате не удавалось хорошенько встряхнуть чью-то память. Теперь, когда известно о беременности Тесс, у нас есть все шансы на то, что кто-нибудь мог ее заметить. Ну что, давайте разберемся с одеждой?

Позже я узнала, что, несмотря на свои сорок лет, констебль Вернон пришла на службу в полицию всего пару месяцев назад. Манера общения выдавала в ней опытную, любящую мать.

— Мы забрали кое-какие вещи из квартиры вашей сестры, — продолжала она. — Не скажете, что на ней могло быть надето?

— Платье. Из-за живота все остальное уже не нашлось, а специальная одежда для беременных Тесс не по карману. К счастью, почти все ее наряды мешковатые и бесформенные.

«Удобные, Би, у-доб-ны-е».

Констебль Вернон открыла небольшой чемодан; каждая вещь, невзрачная и поношенная, была аккуратно сложена ее руками и завернута в папиросную бумагу. Меня тогда очень тронуло это проявление заботы. До сих пор трогает.

Я выбрала самое приличное из твоих обтрепанных одеяний, широкое лиловое платье «Уистлз» с вышивкой по подолу.

— Тесс купила его на распродаже пять лет назад, — сказала я.

— Хорошая покупка служит долго, верно?

Мы словно бы находились в примерочной универмага «Селфриджес».

— Да, верно.

Я почувствовала искреннюю благодарность к констеблю Вернон за ее умение поддерживать разговор о пустяках — перекинуть вербальный мостик между двумя людьми — в самых, казалось бы, не подходящих для этого обстоятельствах.

— Хорошо, остановимся на этом, — сказала констебль Вернон и тактично отвернулась, ожидая, пока я сниму строгий дизайнерский костюм. — Вы с сестрой похожи? — поинтересовалась она.

— Уже нет.

— А-а, значит, были похожи раньше?

Мне вновь пришлось по душе умение констебля Вернон поддерживать разговор, однако я начала подозревать, что двумя-тремя фразами он не ограничится.

— Если сходство и было, то искусственное.

— Как это?

— Мама всегда старалась одевать нас одинаково.

Она не обращала внимания на нашу разницу в возрасте. В зависимости от времени года неизменно наряжала нас либо в клетчатые шерстяные юбки и шотландские свитеры, либо в полосатые платья из хлопка. Никаких рюшечек и оборочек, никакого нейлона, помнишь?

— Прически у нас тоже были одинаковые.

«Приведите их в *приличный* вид», — командовала мама в парикмахерской, и наши кудри летели на пол.

— Люди говорили, что Тесс будет сильнее походить на меня, когда подрастет, — правда, делали это только из вежливости.

Я поразились тому, что неожиданно высказала свои мысли вслух. До сих пор я никого не водила этой тропой, хотя сама исходила ее вдоль и поперек. Я всегда знала, что ты вырастешь настоящей красавицей и мне с тобой не сравниться, хотя не обсуждала этого с другими.

— Должно быть, несладко ей пришлось, — заметила констебль Вернон. Я уже хотела указать ей на оговорку, но она продолжила: — У вас с сестрой одинаковый цвет волос?

— Нет.

— Везет же вам, — вздохнула констебль Вернон, — натуральная блондинка.

— Если честно, я осветлялась.

— Надо же, а так и не скажешь.

Следующая фраза в нашей непринужденной беседе тревожно меня кольнула.

— Тогда, пожалуй, вам лучше надеть парик.

Я вздрогнула, но попыталась скрыть эмоции.

— Да, разумеется.

Пока констебль Вернон доставала коробку с париками, я надела твое платье. Застыранная хлопковая ткань мягко скользнула по телу. Внезапно я очутилась в твоих объятиях. Мгновением позже поняла, что это всего лишь запах, которого я прежде не замечала, — смесь твоего шампуня, мыла и чего-то еще, чему нет названия. Наверное, раньше я воспринимала этот аромат, только когда мы обнимали друг друга. Голова у меня закружилась, я судорожно вздохнула: ты как бы здесь, и тебя нет. К этому противоречию я не была готова.

— С вами все в порядке?

— Платье сохранило ее запах.

На добром, материнском лице констебля Вернон отразилось искренне сочувствие.

— Запах — очень сильная штука. Одно из средств, которые применяют доктора для вывода пациентов из комы. Самым «пробуждающим» считается запах свежескошенной травы.

Она хотела успокоить меня, давала понять, что моя реакция естественна. Констебль Вернон оказалась проникательной женщиной, полной сочувствия, и я была рада ее поддержке.